
ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1(571.54)

РАЗНОВИДНОСТИ И СПЕЦИФИКА МЕДИАКОНТЕКСТА

© *Сибиданов Баир Борисович*

кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики
и рекламы Бурятского государственного университета.
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: sibibair@mail.ru

Исследуются виды контекстов журналистских публикаций. В центре внимания – медийный контекст, который рассматривается как совокупность предшествующих публикаций на определенную тему, социально-исторический, связанный с воздействием глобальных социальных факторов, и культурологический, основанный на моделировании общественных взаимоотношений по теме публикации.

Ключевые слова: контекст, микроконтекст, макроконтекст, вербальный контекст, экстралингвистический контекст, медийный, социально-исторический и культурологический контексты.

VARIATIONS AND SPECIFICS OF MEDIA CONTEXT

Bair B. Sibidanov

PhD in History, associate professor, Department of journalism
and advertising, Buryat State University.
6, Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article reviews context types journalistic publications. The author focuses on media context, which is considered as a set of previous publications on a particular topic; socio- historical context associated with the impact of global social factors; and cultural context which is regarded as modeling of public relations on the topic of publication.

Keywords: context, microcontext, macrocontext, verbal context, extralinguistic context, media context, socio-historical context, cultural context.

Понятие контекста, которое активно используется современными СМИ, во многом основано на его трактовке как совокупности определенных событий, имеющих единую направленность. Рассмотрим пример, где данное понятие указывает на причину высказывания:

«Песков в контексте Сирии вспомнил о путанице с Путиным и Ельциным на CNN» (<http://lenta.ru/news/2015/10/06/peskov/>) .

Отсылка Пескова к «сирийскому контексту» обосновывает недовольство Кремля западными союзниками, которые ведут военные действия против «Исламского государства» на территории Сирии недостаточно активно. В результате поступок Пескова рассматривается как выражение недовольства западными странами. В большинстве случаев использование понятие «контекст» основано на необходимости выявить причинно-следственные связи, которые проясняют события, описываемые в тексте сообщения.

Следующий пример – отрывок из публикации уже относится к несколько иной сфере функционирования медиаполя. Это социологическое исследование, результаты которого, очевидно, должны иметь определенное значение для оценки современного социально-психологического состояния российского общества. Можно обозначить его как порождение соответствующего институционального дискурса, который стремится пропасть в медиаполе [1, с. 227]:

«Социальный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии населения. Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают свое психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года отличалась негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущала чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность, реже – озлобленность)» (Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном). Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015 http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf).

И вновь употребление понятия связано с причинно-следственными взаимосвязями. Его семантику можно обозначить следующим образом: «совокупность социальных трансформаций в России в период разворачивающегося кризиса», и нетрудно видеть, что именно они являются основными причинами социально-психологического состояния населения. Те же самые черты понятия «контекст» мы находим и в другом институциональном дискурсе – правовом:

«Важно и довольно актуально в контексте активных вооруженных столкновений рассмотреть фундаментальные принципы МГП, соблюдение которых позволит сделать вывод о правомерности киберопераций в контексте вооруженных конфликтов» (Гульназ Журавлева. Кибероперации в контексте вооруженного конфликта. https://zakon.ru/blog/2015/11/30/kiberoperacii_v_kontekste_vooruzhennogo_konflikta).

Таким образом, употребление термина «контекст» в медиатекстах имеет семантическое ядро, связанное с категорией причины-следствия. Этот смысл дискурсивного разворачивания журналистской публикации в пространстве текстов СМИ, безусловно, входит в смысловое поле категории «контекст». Однако, обращаясь к проблематике функционирования медиатекста, мы должны констатировать, что подобная трактовка термина недостаточно релевантная, узкая и не может исчерпывать функционала всех контекстных связей.

В лингвистическом смысле «контекст – (от лат. *contextus* – соединение, связь) – фрагмент *текста*, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [2]. Во многом понимание термина связано с формированием смысла высказывания в процессе словоупотребления. К примеру, в последнем рассмотренном нами отрывке текста для смысловой единицы «важно и довольно актуально» будет фраза «рассмотреть фундаментальные принципы МГП». Для единицы «рассмотреть фундаментальные принципы МГП» фрагмент текста «важно и довольно актуально в контексте активных вооруженных столкновений» и т.д. Иначе говоря, контекст является частью послания от автора к получателю сообщения. Таким образом, стремление медиаавторов использовать понятие в качестве совокупности причин приобретает еще один смысл: дополнение к уже посланному сообщению. В первом примере Песков как бы присоединяется к уже высказанному возмущению российских политиков: мол, хочу добавить, что отношение Запада к нашей стране высокомерно в принципе, не так давно они перепутали первого Президента нашей страны с действующим. При этом смысл данного послания проявляется лишь при осведомленности аудитории о предыстории, которая, собственно говоря, и является контекстом для послания Пескова. Не случайно в теории контекста выделяют микро- и макроконтекст. И если микроконтекст проявляется в тексте послания как «минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т. д.» [2], – то макроконтекст подразумевает, что текстом является вся совокупность посланий, реализовавшихся в данной культуре на данную тему. Таким образом, в контекстуальное поле замечания Пескова может быть включено не только содержание предыдущих посланий российских политиков Западу и мировому сообществу, но и, например, содержание предыдущих политических сообщений (событий), связанных, например, с темой противостояния нашей страны и Запада.

Еще более отдаленным контекстом к поведению Пескова может служить традиция политиков «обращать внимание на такие мелочи». Примером этой традиции может быть случай, произошедший еще в 1999 г.: Б. Ельцин на заседании оргкомитета по встрече третьего тысячелетия заставил пересесть своего заместителя Степашина к Примакову, в то время занимавшему кресло премьер-министра правительства России (подробней см.: <http://www.kommersant.ru/doc/218059>). В прессе тогда развернулась целая дискуссия о том, какое политическое послание стоит за этим поведением Б. Ельцина.

В этом смысле разворачивание смыслов в журналистской публикации есть погружение во все расширяющийся контекст описываемого события. При этом чем объемней текст новостной публикации – тем больший контекст событий он охватывает. Рассмотрим пример.

**Для журналистов Бурятии ужесточили пропускной режим
После скандала в мэрии представители СМИ подвергаются особо
тщательному досмотру**

Ранее сотрудники служб охраны, которые знают многих представителей республиканских СМИ в лицо, без лишних разговоров пропускали их на брифинги, совещания и интервью. Достаточно было предъявить аккредитацию или хотя бы документ, удостоверяющий личность. «Развернуть» корреспондента могли, если он, например, пришел в правительственное здание в пляжных шортах или любой другой одежде, не соответствующей дресс-коду.

Теперь попасть в здание правительства, мэрии и Народного Хурала не так-то просто. Всё изменилось на минувшей неделе. Так, в пятницу, 4 декабря представители СМИ, которые пришли на заседание совета Народного Хурала, подверглись тщательному досмотру.

- Меня попросили открыть сумку с аппаратурой, а потом даже позвонили в пресс-службу – уточнили, можно ли пропустить на мероприятие, – рассказала фотокорреспондент «Информ Полиса» Юлия Плеханова.

Охранник несколько минут изучал и удостоверение нашего журналиста, бросая взгляд то на фотографию, то на обладателя документа – словно сверял ее с «оригиналом». И, удостоверившись, что никакого обмана нет, разрешил миновать турникет. А подоспевших телевизионщиков с опаской попросил «убрать микрофон» в сумку.

История повторилась накануне – перед традиционным правительственным брифингом. Журналисты, пришедшие на мероприятие, предъявили аккредитацию. Но охране это показалось недостаточным: собрав операторов, корреспондентов ТВ и информационных сайтов в «кучу», ЧОПовец попросил назвать издания, которые они представляют. А затем по телефону перечислил все СМИ.

- Ну ... вроде все местные, – неуверенно произнес он в трубку.

В итоге «проверку» корреспонденты и операторы прошли.

Охранник одного из правительственных зданий пояснил infpol.ru, что правила пропускной системы ужесточились в связи с усилением мер безопасности.

- Предотвращение террористических угроз. Поручено проверять все документы посетителей, останавливать людей с большими сумками, – подчеркнул он.

И в самом деле – на фоне трагических событий в Египте и Париже меры безопасности усилили и в Бурятии. Все подразделения охраны перевели на усиленный вариант несения службы, на охраняемых объектах усилили контроль и пропускной режим.

Однако сами журналисты связывают повышенную бдительность сотрудников охранных предприятий с недавним инцидентом в администрации города, когда к мэру Улан-Удэ Александру Голкову пожаловали журналисты федерального телеканала «Россия-24». Напомним, журналист Артем Кол и оператор Владимир Брагин предъявили удостоверение, миновали охрану и беспрепятственно прошли в кабинет к градо-

начальнику. Чем всё это закончилось, уже всем известно. Судя по всему, под словами «все местные» охранник подразумевал, что среди журналистов нет федеральных корреспондентов (<http://www.infpol.ru/kartina-dnya/item/17399-dlya-zhurnalistov-buryatii-uzhestochili-propusknoj-rezhim.html>).

Как видим, характер новости требует определенных пояснений, которые носят контекстный характер. Если «для журналистов Бурятии ужесточили пропускной режим», аудитории необходимо пояснить, как происходило это раньше. Только располагая данной информацией, возможно оценить, насколько изменился режим для журналистов. Это пояснение является контекстным (микрконтекст). Контекстом же для всего новостного сообщения стало скандальное событие (макроконтекст), состоявшееся накануне, в котором участвовали мэр Улан-Удэ Александр Голков и корреспондент ВГТРК Артем Кол и оператор Владимир Брагин (подробней см. <http://www.infpol.ru/kartina-dnya/item/17258-molniya-v-merii-ulan-ude-proizoshla-draka.html>). Добавим, что этот скандальный контекст является основным, указывающим на причину ужесточения пропускного режима журналистов, но этот контекст не является единственным. Например, определенный контекст стоит за фигурой Александра Голкова, отношения которого с местными СМИ складывались порой непросто. С другой стороны, важным контекстом является борьба, которую ведут с мэром различные политические силы, в числе которых и Николай Будуев, и ОНФ (Общероссийский народный фронт).

Помимо понятия макроконтекста, который важен для понимания функционирования медиадискурсов, лингвисты выделяют категории лингвистического и экстралингвистического контекста [2]. Эта терминологическая оппозиция, на наш взгляд, основана на различии в методологических основаниях. Ситуация, когда подразумевается рассмотрение совокупности текстов (чаще всего, письменных), формирующих определенный тематический дискурс, перед нами, безусловно, вербальный контекст. Когда же речь идет о коммуникативных особенностях создания текста (монолога, диалога, полилога), то невербальный контекст становится важнейшим элементом послания, который способен создавать свои собственные смыслы, предназначенные аудитории.

В медиаупотреблении возможны обе ситуации: в частности, коммуникативное поле, которое формируется письменным текстом газеты (интернет-публикации) и телеинтервью, по своей сути требуют разного подхода и учета контекста. В первом случае речь идет о вербальной совокупности текстов, в другом – к вербальному добавляется экстралингвистический контекст, способный обогатить послание и прояснить его смысл. В уже рассматриваемом нами примере со скандалом об избивании журналистов ВГТРК видеоверсия произошедшего вовсе не так безоговорочно свидетельствует о вине мэра Улан-Удэ, которая достаточно активно пропагандируется в СМИ. Несмотря на целенаправленный комментарий корреспондента, обвиняющего в скандале Александра Голкова, видеозапись интервью проявляет элементы провокативного

поведения журналистов. В частности, корреспондент, войдя в кабинет мэра, почему-то находится в верхней одежде и задает вопросы Голкову стоя, хотя интервьюируемый спокойно сидит за столом в ожидании более или менее конструктивного диалога (подробней см.: <http://asiarussia.ru/news/10210>). Безусловно, это нарушение журналистского этикета, свидетельствующее о том, что главной задачей съемочной группы была провокация, которая должна была максимально скомпрометировать мэра, что, собственно говоря, и произошло.

Таким образом, легко видеть, что лингвистическая трактовка понимания контекста (проявление смысла) оказывается востребованной и при общественно-политическом понимании данной категории. Воспроизведение максимального контекста события, процесса или ситуации способно проявить не только причины, но и продиктовать действия, призванные привести к разрешению конфликта.

Исходя из всего изложенного, проблема взаимоотношения текста публикации и ее контекста представляет собой сегмент глобального коммуникативного действия, в котором массовая коммуникация через активизацию определенных контекстных гнезд уходит корнями глубоко в традицию, демонстрируя закономерности развития не только медиасферы, но и всей вербальной культуры. Возможно, имеет смысл говорить о встрече поля медиаповседневности с «вечным» пространством культуры. «Проникновение» повседневности в культуру осуществляется через активизацию контекста, который, как несложно видеть, является весьма неоднородным.

Контекст, который формируется современными текстами СМИ, может быть структурирован по особенностям функционирования медиа в обществе. В этом смысле может быть выделен *медийный контекст* события, ситуации или процесса. Характеристикой медийного контекста является его локально-событийная природа. Она в достаточной степени изменчива: медиасфера ориентирована, в первую очередь, на событийную новизну: в результате, например, события двух- – трехлетней давности уже не воспринимаются как контекстуально важные. Например, события «тепловой войны», оказывавшие значительное влияние на восприятие всех региональных медиатекстов в Бурятии в 2011–2012 гг., потеряли свою практическую значимость для современных региональных медиаавторов. С другой стороны, именно новостной контекст как наиболее поверхностный медиаслой способен включать в себя тексты СМИ, формируя те или иные смыслы. Мы полагаем, что накопление определенных тенденций в медийном контексте способно оказывать влияние на изменение содержания культуры. Если только эти накопившиеся изменения носят массовый характер.

Социально-исторический контекст события, процесса, ситуации является постоянным и формируется факторами, воздействие которых осуществляется в течение протяженного периода времени и вызвано действием константных условий. В частности, дотационный характер экономики Бурятии или конфликт Израиля с Палестиной представляют собой постоянные факторы, которые в обозримом будущем вряд ли претерпят какие-либо значительные изменения.

Нетрудно видеть, что социально-исторический контекст залегает более глубоко, образуя в контекстуальном пространстве более плотные и массивные пласты, которые проявляют себя в медиатексте редко, во всяком случае, реже, чем это делает медийный контекст. С другой стороны, социально-исторический контекст может восприниматься как внешний, включающий в себя действие объективных причин, под которые человек должен подстраиваться и использовать в своей жизнедеятельности в соответствии с моделями поведения, выработанными данной культурой на данной местности.

Логика в выражении *мои предки так поступали, и потому я поступаю так же* выводит нас на типологически новый контекст, который носит культурологическую окраску. Это наиболее скрытный, но, тем не менее, пронизывающий практически все аспекты журналистской деятельности культурологический контекст, и он не может быть охарактеризован как еще более глубокий контекстный пласт по сравнению с социально-историческим. Его особенность заключается во всеобъемлющем характере, в постоянном присутствии, которое надежно спрятано от субъектов дискурса, поскольку те являются его органическими носителями. Для них культурологический контекст сродни миру, в котором они живут. Это контекст условий реализации медиатекста. Однако стоит заметить, что культурологический контекст вовсе не тождествен национальной культуре: способы построения отношений человека с природой включают в себя модели, которые необязательно выработаны в глубоких пластах традиционного мировосприятия. Многие (возможно, даже большая часть) элементы заимствованы из иных культур (в частности, западной). Так, феномен журналистики возник в результате развития буржуазных отношений в европейских странах. Он, безусловно, часть западной культуры, но используется и в восточных странах.

При подобной трактовке культурологического контекста мы сталкиваемся с ситуацией, когда принадлежность к социально-историческому контексту сразу влечет за собой присутствие культурологического с почти неразрешимой проблемой отделения одного от второго. Если журналистика как феномен общественной жизни является порождением и частью культурологического контекста, то может ли она при этом являться и социально-историческим феноменом? И если она социальный факт общественной жизни региона, то не является ли она той константой, которая оказывает влияние на жизнь людей как объективный феномен?

В данном случае необходимо, очевидно, ввести формальный признак. Культурологический контекст – это контекст условий возникновения медиатекста на заданную тематику. Социально-исторический контекст – контекст самого события, процесса или ситуации, о которых идет речь в публикации. В результате публикация, посвященная Александру Голкову, якобы избившего журналистов ВГТРК, должна иметь следующий социально-исторический контекст: приход больших корпораций в СМИ в 1990-е гг. привел к падению профессионализма журналистов в России и развитию ангажированных авторов в медиасфере.

В результате профессиональная журналистика оказалась неспособной выполнять функции регулирования общественных отношений. В определенный исторический момент ОНФ начал действовать с целью предотвращения злоупотребления властью в регионах, пытаясь подменить своей деятельностью профессиональных журналистов, деятельность которых стала восприниматься общественностью как ангажированная в чьих-то личных политических интересах. Культурологический контекст будет иметь в данном случае следующее содержание: модель взаимоотношений российской власти со СМИ характеризуется как малопродуктивная. Власть стремится к абсолютному контролю над СМИ, а СМИ часто не способны критиковать объективно и справедливо, минуя бульварные технологии освещения события.

Таким образом, если социально-исторический контекст представляет собой совокупность социально-исторических факторов, значимых для темы публикации, то культурологический контекст ориентируется на контекстуальную модель общественных взаимоотношений, описываемых в публикации.

Литература

1. Сибиданов Б. Б. Становление медиадискурса в Бурятии // Вестник Бурят. гос ун-та. Филология. – 2012. – Вып. 10. – С. 225–233.
2. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html>